

Русские генштабисты-эмигранты в годы Второй мировой войны*

Abstract:

Ganin A.V. *Russian emigrant General-Staff-officers in World War II.*

The article considers activities of the former General-Staff-officers, who were living in exile during World War II. Special attention is given to the events in Central and South-East Europe.

Ключевые слова: военная элита, русская эмиграция, Генеральный штаб, Вторая мировая война.

Вторая мировая война всколыхнула всю русскую эмиграцию и привела к крупнейшему расколу в ее среде, коснувшемуся и Генштаба, который в силу своей специфики просто не мог находиться в стороне от этих переломных событий. Уже в самом начале войны военная эмиграция неоднозначно восприняла действия СССР, о чем свидетельствуют документы Русского общевойскового союза (РОВС). В сводке сведений, поступивших в управление РОВС к 17 октября 1939 г. и не предназначенных для печати, отмечалось: «СССР решительно выступил на мировую арену и постепенно не только забирает то, что было потеряно по Версальскому договору, в котором Россия не участвовала, и по Рижскому трактату, но и захватывает земли, ранее нам не принадлежавшие. Таким образом, Сталин становится «собирателем земли русской». Само собою разумеется, это обстоятельство никак не может изменить нашего отношения к советской власти, а, если бы, паче чаяния, появились настроения, благоприятные большевикам, в виду «собрания ими земли русской», то, конечно, с подобными настроениями необходимо всячески бороться. Большевики были, есть и будут врагами народа русского, врагами Национальной России. Необходимо также иметь в виду, что в захваченных землях большевики полностью проводят всю свою программу и подвергают население всем ужасам большевизации. Мы по-прежнему должны считать своей первейшей задачей борьбу с ними до конца — до возрождения России»¹. Позицию РОВС проясняет заявление его начальника генерала А.П. Архангельского в военном собрании Брюсселя 28 сентября того же года: «СССР как будто делает русское государственное

дело... Мы боремся с большевиками не потому, что они отдали русские земли, а потому, что они разрушают душу русского народа, разрушают семью, религию, лишают крестьянина его земли, не дают свободы труда, уничтожают инициативу, и интересы русского народа и России им безразличны»². Как представляется, Архангельский не смог убедительно обосновать причины продолжения борьбы с большевиками, тем более, что он и не знал советских реалий того времени. Между тем, глава РОВС был лидером военной эмиграции и, если даже он осознавал шаткость своей позиции и был вынужден давать объяснения в связи с включением в состав СССР ранее утраченных территорий Российской империи, то менее активные эмигранты, скорее всего, были смущены значительно сильнее его и, вероятно, начинали понимать, что между советским руководством образца 1917–1918 гг. и 1939 г. были серьезные различия. На позицию части военной эмиграции особенно повлияли сведения об усилении Красной армии, росте ее технического оснащения и повышении международного влияния СССР. К 1945 г. разница стала еще более очевидной и привела к многотысячному потоку не только принудительно, но и вполне добровольно уехавших в СССР эмигрантов. Настоящим шоком и крушением надежд для многих стало то, что в результате войны коммунистический режим в СССР не только не рухнул, но, наоборот, значительно укрепил свои позиции.

В историографии последних лет не принято заострять внимание на тех эмигрантах, которые выступили против Германии и ее союзников. Единственное исключение, пожалуй, составляет генерал А.И. Деникин, причем его позиция, сложная и, во многом, противоречивая, нередко искажается. Об отношении других практически ничего не известно. Если говорить именно о военной эмиграции и о Генеральном штабе, то, действительно, СССР активно поддерживало абсолютное меньшинство изгнанников, большинство же видело в немцах потенциальных освободителей России от большевиков. Более того, немалая часть генштабистов (в сравнении с участием в прочих военных конфликтах), будучи непримиримо настроена по отношению к коммунистической идеологии, решила принять непосредственное участие в новом походе на большевиков. Наиболее яркой фигурой в этой, сравнительно многочисленной, группе был бывший донской атаман генерал П.Н. Краснов (хотя он прослушал лишь один курс академии и не был генштабистом в полном смысле слова), являвшийся убежденным германофилом еще со времен своего сотрудничества с немцами на Дону в 1918 г. Одной из составляющих его мировоззрения (впрочем, как и многих других кадровых офицеров русской армии) был антисемитизм, вполне укладывавшийся в предлагавшуюся Гитлером систему взглядов. Кроме того, идеология национал-социализма была близка правому крылу эмиграции, к которому принадлежали многие военные (не случайно генерал А.А. фон Лампе уже в 1929 г. отмечал, что Белое движение в более ради-

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

кальном варианте было бы похоже на движение фашистское³). Помощником Краснова в рамках Главного управления казачьих войск был кубанский атаман В.Г. Науменко. С Красновым сотрудничал и генерал С.К. Бородин. В этом выборе определяющей для них, конечно же, была именно принадлежность к казачеству, а не к Генштабу. В Чехословакии с немцами сотрудничал генерал В.Ф. Кирей. К коллаборационистам в СССР присоединился бывший Генштаба полковник В.Г. Попов, находившийся в Новочеркасске.

В основном же выпускники академии (включая ускоренные курсы) служили в Русском охранном корпусе в Югославии. Среди них были генералы Б.А. Штейфон (возглавивший корпус в 1941 г., до этого – начальник штаба), Б.В. Гонтарев (начальник штаба корпуса), В.П. Агапеев, Ф.Э. Бредов, И.К. Гандурин (служил священником), М.М. Зинкевич, М.М. Георгиевич, Д.П. Драценко, В.М. Пулевич, В.Ф. Белогорцев, А.Е. Егоров, В.Н. Колубакин, В.В. Крейтер, В.Л. Малеванов, Н.В. Нагаев (служил в корпусе в качестве священника), М.К. Соломахин, В.Е. Флуг, полковники Ф.Н. Боровский, В.П. Бахмуцкий, Е.М. Гарабурда, Ф.Н. Гришин, Г.К. Дворжицкий, Ф.А. Думский, Е.Л. Ивановский, А.В. Черныш, К.М. Перевалов (служил фельдфебелем), С.А. Жуков, князь И.И. Максutow, В.К. Молостов, Е.Б. Плотиных, С.П. Попов, П.М. Савельев, Н.А. Саборский, Ю.В. Сербин, Н.А. Саборский, В.Н. Ставрович, И.И. Третьяков, Б.В. Федоров, П.Е. Фетисов, Э.Э. Шляхтин, Я.А. Яковлев, В.В. Бальцар, Б.М. Иордан, Н.А. Кадушкин, Н.Н. Краснов, Б.А. Мержанов, подполковник В.З. Полюшкин⁴. Некоторые из эмигрантов, служивших в Русском корпусе, окончили курсы Генерального штаба в Белграде. В 1-й Русской национальной армии генерала Б.А. Хольмстон-Смысловского служили полковники С.Н. Ряснянский и Е.Э. Месснер. Генерал М.М. Георгиевич даже просил своего старого сослуживца, а теперь финского маршала К.-Г.Э. Маннергейма, порекомендовать его для службы на Восточном фронте⁵. Если в рядах Русского корпуса служили десятки генштабистов, то в Отдельном казачьем корпусе в Северной Италии (Казачьем Стане) их число было незначительно – на конец апреля 1945 г. среди 284 офицеров-эмигрантов было лишь 4 выпускника Николаевской академии и 14 выпускников эмигрантских курсов генерала Н.Н. Головина⁶.

По мнению одного из исследователей проблемы, некоторые из этих офицеров «обладали несравненно большим опытом, знаниями и тактической подготовкой, чем отдельные командиры стрелковых дивизий РККА, не говоря уже о воспитании, эрудиции, кругозоре и общем уровне культуры»⁷. Одну из сотен Русского корпуса лично благословил бывший русский военный агент в Сербии престарелый генерал В.А. Артамонов⁸. Кто-то шел в корпус по идейным соображениям, кто-то, вероятно, для самозащиты, а для некоторой части вступление в Русский охранный корпус было способом выживания в то время перед угрозой голодной смерти⁹. Немцы опасались русских офицеров-националистов и вместо отправки на Восточный фронт

использовали корпус в борьбе с югославскими партизанами И.Б. Тито. Всего через корпус прошло более 17 000 человек, 1132 (по другим данным, 3429) погибло. Среди погибших в рядах корпуса – генштабист генерал М.М. Зинкевич, командовавший батальоном, полковник Ф.А. Думский, попавший в засаду четников. В самом конце войны 30 апреля 1945 г. в Загребе неожиданно скончался генерал Б.А. Штейфон (по некоторым данным покончил с собой).

РОВОС и казачьи организации в лице генералов А.П. Архангельского, А.М. Драгомирова, А.А. фон Лампе, П.А. Кусонского, Н.Н. Головина, Ф.Ф. Абрамова, И.А. Полякова, П.Х. Попова, И.А. Полякова, В.В. Крейтера, Г.В. Татаркина, В.Г. Науменко фактически поддерживали немцев, хотя за РОВОС немецкой администрацией был установлен пристальный контроль, а его возможности ограничены. У генерала Архангельского немцы даже произвели обыск и взяли подписку о невыезде¹⁰. А.А. фон Лампе за месяц до немецкого вторжения на советскую территорию направил командующему сухопутными силами Вермахта генерал-фельдмаршалу В. фон Браухичу письмо с предложением использовать русских эмигрантов в предстоящей войне, но ответа не последовало. На второе письмо, направленное уже после начала войны, был получен отрицательный ответ¹¹. Аналогичное обращение к германскому военному атташе в Софии составил генерал Ф.Ф. Абрамов. После войны генерал А.И. Деникин в письме председателю РОВОС генералу Архангельскому от 16 мая 1946 г. назвал «челобития» руководителей РОВОС немцам с предложением услуг русских эмигрантов преступными. В особенности после того, как нацисты проявили стремление к разделу и колонизации России, а также к истреблению ее населения¹². В том же письме Деникин осудил формирование Русского корпуса, подавлявшего выступления сербов против немцев, обвинил руководство РОВОС в отправке офицеров-эмигрантов на убой. Деникин писал, что действиями корпуса «русскому имени нанесен был... жестокий удар»¹³ и даже, что «РОВОС, руководители которого запятнали себя предательством русских интересов, как русская национальная организация более не существует»¹⁴. В ответном письме Архангельский попытался опровергнуть эти обвинения, однако опровергнуть очевидные факты было невозможно. Но все это было позже, а пока, невзирая на возраст, к немцам потянулись семидесятилетние старики-генштабисты, как, например, генерал И.С. Свищев, переехавший из Югославии в Германию, чтобы стать подполковником вооруженных сил власовского Комитета освобождения народов России (КОНР)¹⁵.

Огромный интерес представляет письмо полковника Б.И. Бучинского генерал-майору А.А. фон Лампе от 20 января 1958 г., копия которого была любезно предоставлена нам известным исследователем наградных систем и коллекционером А.И. Рудиченко (Нью-Йорк). В этом письме Бучинский высказал свое возмущение оценками, данными ему фон Лампе, и, в свою

очередь, написал: «Вероятно, Вы всерьез почитаете себя начальником, а меня — своим подчиненным. Если это так, то спешу уведомить Вас, что я ушел из РОВСа 20 лет тому назад, т.е. в 1938 году и считал для себя возможным числиться в этом Союзе тогда, когда он возглавлялся таким безукоризненным в моральном и в служебном отношении лицом, как генерал Миллер. Но мне — старому офицеру Генерального штаба Императорской армии — совершенно невозможно и неприлично числиться подчиненным, хотя бы и номинально, такого лица, как Вы. Так что, если бы я не ушел из РОВСа в 1938 г., я бы это сделал немедленно после Вашего назначения. Я решительно заявляю и прошу принять к сведению, что никогда, ни одной минуты не числился Вашим подчиненным и не мог им быть по следующим причинам: 1) Вы именуете себя генералом Генерального штаба Импер[аторской] армии, что не только ложно, но просто абсурдно. В официальном списке Генеральн[ого] штаба за 1916 год Вы значитесь капитаном¹⁶, следовательно, быть генералом в феврале 1917 г. Вы никак не могли. Присвоение себе чинов и званий с целью обмана общественного мнения и, вероятно, с целью извлечения каких-либо выгод не только не совместимо со званием генерала, но даже является проступком уголовного характера, караемого по ст. 259 французского уголовного кодекса (Escroquerie — мошенничество). 2) В 1919 г. в Екатеринодаре Ваша «деятельность» как сотрудника газ[еты] «Россия» и Ваша пропаганда против командования Добровольческой армией обратила на себя внимание Генерал-квартирмейстера, и я получил от него приказание начать негласное расследование о Вашей личности и Вашей деятельности до появления в Добровольческой армии, то есть в советской России и на Украине. Результатом этого расследования был приказ начальника штаба армии посадить Вас под арест. Этот приказ не был приведен в исполнение вследствие общего отступления армии в Крым. 40-летняя давность этого события не позволяет мне привести все детали, добытые следствием. Но офицер, производивший дознание, жив, и я обратился к нему с просьбой сообщить мне все, что он знает по этому делу. 3) В 1936 г. ген. Миллер и полк. Кусонский¹⁷ сообщили мне, что по распоряжению Германского правительства Вы были арестованы в Берлине и посажены в тюрьму по обвинению в шпионаже в пользу сов[етской] России. 4) Несмотря на это недоразумение, и, может быть, вследствие [н]его, в 1941–45 годах Вы держали себя как верный сын немецкого народа и как злейший враг народа русского. Вы не сочли зазорным вступить на немецкую службу, носить “свастику” и приняли немецкое подданство в виде так называемого *folk deutsche*. В соответствии с эпохой Вы называли себя тогда фон-Лампе¹⁸. Сведения обо всем этом можно найти в газетах, издаваемых тогда в Германии, которые тогда продавались и во Франции. Если это германофильство является Вашим убеждением, то оно никого не касается. Но оно приобретает совершенно иной характер теперь, когда в Париже Вы оказались в роли рус-

ского патриота и борца за лучшее будущее России, которую Вы предавали в Берлине 10 лет назад. Соответственно этой новой роли Вы преобразовали себя из фон Лампе в Лампе просто. Такая метаморфоза отнюдь не идет к лицу, претендующему на звание генерала, да еще патриота и главы РОВСа, т.е. остатков того, что было когда-то Добровольческой Армией. Такое ненормальное явление объясняется только тем, что Ваше прошлое было неизвестно ген. Архангельскому¹⁹, а также полным равнодушием Ваших подчиненных к этому вопросу...»²⁰. Таким образом, по мнению генштабиста-эмигранта Бучинского, сотрудничество одного из лидеров РОВСа с немцами в годы войны было явным предательством по отношению к России. К сожалению, осознание такого рода очевидных фактов было присуще лишь единицам в общем потоке военной эмиграции.

В рядах коллаборационистов встречались довольно колоритные персонажи. Генерал-майор Б.А. Хольмстон-Смысловский, командовавший 1-й Русской национальной армией, до сих пор некоторыми авторами считается, якобы, слушателем ускоренного курса Николаевской военной академии 1917 года, не окончившим учебу из-за большевистского переворота²¹. Источником этих сведений был сам Смысловский, и такая его биография закрепились в эмигрантской среде, перекочевав затем на страницы современных исследований. Представляется, что этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, как характеризующий не только самого Смысловского, но и то движение, в котором он участвовал. Дело в том, что в списках слушателей ускоренных курсов Николаевской академии (как окончивших обучение, так и зачисленных на курс) его фамилия не значится. Более того, даже по возрасту Смысловский не мог учиться на курсах академии в 1917 г., поскольку ему тогда должно было быть всего около 19–20 лет (он родился 21 ноября 1897 г.²², тогда как основная масса слушателей ускоренных курсов (курсовиков), включая даже выпуски 1918–1919 годов, была не моложе 1893–1894 годов рождения, и лишь единицы были 1895–1896 годов). И, наконец, большевистский переворот вовсе не прервал работу ускоренных курсов Николаевской академии, которые исправно функционировали и выпускали слушателей осенью 1917 — весной 1918 г. Таким образом, академическая история Смыловского была вымыслом от начала и до конца. Уже после войны члены РОВСа, в том числе генерал А.А. фон Лампе и полковник С.Н. Ряснянский, справедливо обвиняли Смыловского в самозванстве, поскольку он приписал себе не только учебу на курсах Николаевской академии, но и окончание высших военных курсов Рейхсвера в 1920-е годы²³. По всей видимости, это был талантливый аферист, выдававший желаемое за действительное. После Гражданской войны он принял польское гражданство, а в период Второй мировой работал в Абвере. Легенда об учебе в академии нужна была ему, вероятно, для повышения собственного статуса в глазах немцев и русских эмигрантов. С Абвером сотрудничал и полковник

П.П. Дурново, погибший вместе с семьей при бомбардировке Дрездена в 1945 г. Генерал Р.К. Бангерский (Бангерскис) служил генерал-инспектором Латвийского легиона СС в чине группенфюрера СС и генерал-лейтенанта войск СС, в 1945 г. даже стал латвийским президентом, а позднее попал к англичанам. В 1995 г. его останки были перезахоронены в Риге²⁴. Генерал Б.А. Штейфон, несмотря на свое еврейское происхождение (сын крещеного еврея из Харькова), был в 1943 г. произведен в чин генерал-лейтенанта Вермахта, а на следующий год награжден Крестом военных заслуг 2-го класса с мечами.

Генштабисты служили и в немецкой администрации. Так, генерал В.В. Крейтер возглавлял при немцах Русское бюро в Белграде, позднее он вошел в состав Комитета освобождения народов России (КОНР). Генералы Б.А. Штейфон, В.Г. Науменко и полковник В.И. Базаревич состояли в Бюро по защите интересов русской эмиграции в Сербии²⁵. Генштабист полковник П.Н. Богданович стал заместителем начальника созданного немцами управления делами русской эмиграции во Франции. Генерал М.А. Свечин, живший на юге Франции, вошел во французский легион комбатантов, учрежденный маршалом А. Петеном²⁶.

Другие (в среде генштабистов их было меньшинство), не принимая установившийся в СССР режим, выступили против сотрудничества с немцами, считая их врагами России и ее национального возрождения (например, генералы А.И. Деникин и С.Н. Войцеховский). Принципиальная позиция генерала Деникина была известна в эмиграции задолго до 22 июня 1941 г. Противоречивость его подхода проявилась в том, что, хотя позиция Деникина в годы войны становилась все более благожелательной по отношению к СССР, однако, выступая против коллаборационизма, он рассчитывал на то, что Красная армия после победы повернет штыки против большевиков, беспокоился о судьбе бывших власовцев и, видимо, не считал, что они заслуживают наказания. К тому же в выражении своей позиции Деникин ограничился лишь отдельными заявлениями и призывами. Точно так же и генерал Войцеховский, несмотря на борьбу с гитлеровцами, при немцах стал работать на военных курсах²⁷.

Были и те, кто активно поддерживал Красную армию. Например, бывший начальник штаба врангелевской армии генерал П.С. Махров, призывавший эмигрантов к оказанию помощи Красной армии. Отношение Махрова к Великой Отечественной войне не было типичным в среде военных эмигрантов. Генерал проделал большую внутреннюю эволюцию и воспринял события 22 июня 1941 года как нападение на свою страну. Уже на следующий день, 23 июня 1941 года (22 июня приходилось на воскресенье, и почта во Франции была закрыта), он направил полпреду СССР во Франции А.Е. Богомолу письмо следующего содержания: «Господин полпред! Долг солдата меня обязывает защищать мою Родину вместе с русским народом. Я

прошу Вас ходатайствовать пред советским правительством о разрешении мне возвратиться в Россию и о зачислении меня в ряды Красной армии. Уважающий Вас П. Махров (генерал-лейтенант Генерального штаба)»²⁸. Однако письмо попало к вишистским властям Франции, Махров в августе был арестован и заключен в концлагерь Верне во французских Пиренеях, где содержались многие русские эмигранты. Только благодаря ходатайству знавшего Махрова²⁹ французского генерала А. Нисселя арестованный смог выйти на свободу в декабре 1941 года, сохранив жизнь и здоровье. Словно оправдываясь перед белой эмиграцией, Махров отмечал, что оборончество и национализм тесно связаны³⁰. По освобождении, находясь под надзором полиции, Махров с большим риском вел дневник, в котором тщательно фиксировал события войны. Кроме того, генерал, как мог, боролся с пораженческими настроениями в эмигрантской среде³¹.

Ветеран колчаковской армии, выпускник ускоренных курсов академии полковник Б.Э. фон Вах после нападения Гитлера на СССР в разговоре со своим другом генералом В.М. Молчановым высказал сожаление о том, что в Гражданскую войну не перешел в Красную армию³². Очевидную оборонческую позицию занял бывший сотрудник генерала М.В. Алексева полковник Я.М. Лисовой, живший в США. 4 ноября 1942 г. он отправил письмо в Государственную публичную историческую библиотеку Москвы, предложив безвозмездно передать библиотеке свою обширную документальную коллекцию. В 1945 г. эти материалы поступили в спецхран библиотеки (правда, советские архивисты не оценили в полной мере значимость этой коллекции, и позднее часть переданных уникальных материалов была уничтожена)³³. Ближе к концу войны полковник М.И. Изергин писал: «За успехами Гитлер просмотрел боеспособность и сопротивляемость русского, безразлично белого или красного солдата, просмотрел и то, что неудачи научили кой-чему до того безграмотное советское командование, просмотрел и могущество советской военной техники и понял, наконец, что оккупировать Россию и сделать ее немецкой колонией нельзя, что только оружием победить Россию тоже нельзя, что вообще Россию победить нельзя...»³⁴. Сторонником открытия второго фронта был генерал В.А. Яхонтов, ездивший с пропагандистскими лекциями по США. Только в 1942 г. он выступил более 220 раз³⁵, хотя такая чрезмерная активность и особое положение Яхонтова в СССР, куда он неоднократно приезжал в послевоенное время, дают основания видеть в нем советского агента.

Отдельные генштабисты участвовали в вооруженной или подпольной борьбе против нацистов в приютивших русских беженцев странах (Ф.Е. Махин в Югославии; С.Н. Войцеховский в Чехословакии; Е.И. Носков, И.Г. Пехливанов в Болгарии)³⁶. Некоторая часть генштабистов подверглась репрессиям, но не всегда это были противники немцев. Например, генералы А.А. фон Лампе (арестован на 42 дня в 1933 г.³⁷ и в 1941 г., причем в по-

следнем случае за то, что не рекомендовал воинским чинам поступать в немецкие части³⁸), П.Н. Шатилов, П.А. Кусонский, П.Х. Попов были немцами арестованы. Шатилов был освобожден через 49 дней³⁹ (по другим данным – через 10 месяцев⁴⁰), Попов через несколько месяцев⁴¹, а Кусонский (в свое время предлагавший немцам использовать эмигрантов в борьбе с СССР⁴²) погиб в концлагере в форте Брендонк от побоев. Полковник Е.И. Носков был арестован вместе с другими подпольщиками весной 1944 г., приговорен к длительному тюремному заключению (13 лет тюрьмы и 16 лет лишения свободы), но освобожден уже во время народного восстания в Софии 9 сентября 1944 г.⁴³ Большая же часть генштабистов устранилась от войны и продолжала обывательское эмигрантское существование, в том числе работая в Германии и на оккупированных территориях и, тем самым, содействуя немцам.

И все же, хочется верить, отношение некоторых генштабистов к Красной армии было таким, как у белого генерала Н.Н. Шиллинга (не генштабиста) в Праге. Очевидец вспоминал: «И вот я опять встретил на одной из шумных пражских улиц Шиллинга. Он шел тем старческим, но твердым и уверенным шагом, каким ходят старики-военные всех стран и народов.

– Ну, как это было с вами?

– А вот как, – с довольным видом отвечает Шиллинг. – Арестовали меня, привезли куда следует. Полковник какой-то, а потом и генерал к нему присоединился, спрашивает меня: “Шиллинг? Заместитель Деникина, белой армией командовали?” “Так точно”, – отвечаю я. “А что же, – спрашивает один из них, – вы почувствовали, когда увидели нас на улицах Праги?” Я же им ответил: “Увидел генералов и офицеров с золотыми погонами, солдат по форме одетых, перекрестился и подумал – стоит Россия!” Ответ этот был искренним»⁴⁴.

Масштабным событием стали репрессии после освобождения советскими войсками стран Восточной и Центральной Европы, а также Китая. Надо сказать, что первый опыт такой «чистки» был получен еще в 1939–1941 гг., когда к СССР были присоединены Западная Украина, Западная Белоруссия и Прибалтика. Тогда подверглась репрессиям часть генштабистов, некогда обосновавшихся в Польше, Латвии, Литве и Эстонии. В Польше был застрелен бывший Генштаба полковник С.И. Соллогуб-де-Война. Главнокомандующий эстонской армией генерал Й. Лайдонер, который, кстати, вел переговоры с советским командованием и в итоге не отдал приказа о сопротивлении, был выслан из Эстонии в Пензу, а с началом Великой Отечественной войны арестован НКВД и находился под арестом на протяжении двенадцати лет до самой смерти в 1953 г. во Владимире. Бывший капитан русской армии В. Мутт был в 1941 г. арестован, а в 1942-м расстрелян⁴⁵. Были репрессированы бывший деникинец и генерал эстонской армии И.И. Терванд, а также служивший у украинцев, в РККА и у Врангеля

подполковник А.И. Парв. Еще один эстонский генерал, А. Ларка, был вывезен в СССР и погиб в 1943 г. 17 апреля 1941 г. был расстрелян 68-летний генерал Э.А. Вершинский, вывезенный в СССР из Таллина. В 1942 г. в Кирове был расстрелян вывезенный из Эстонии полковник П.Г. Осипов. Однако избежал репрессий будущий эсэсовец генерал Бангерский, скрывавшийся на хуторе у знакомого крестьянина.

В 1944–1946 гг. многие генштабисты, не перебравшиеся в западную зону оккупации, были арестованы контрразведкой «Смерш» и вывезены в СССР, где прошли через лагеря. Чистка в странах Восточной Европы и в Китае была тотальной. А.А. фон Лампе, как представитель Российского Красного Креста в Германии, занимался спасением советских граждан и эмигрантов от насильственной репатриации в советскую оккупационную зону⁴⁶. Этим же занимался и генерал В.В. Крейтер. Генерал Деникин даже обратился в январе 1946 г. к командующему американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэру с просьбой прекратить репатриации. Тем не менее, это была капля в море. Так, из Чехословакии были вывезены генерал С.Н. Войцеховский, полковники К.Л. Капнин и А.М. Шкеленко. По требующим проверки данным был также вывезен полковник М.А. Ковалев. Арестован генерал В.В. Чернавин (в том же году освобожден). Уже в 1944 г. после прихода коммунистов к власти в Болгарии был арестован и вывезен в СССР генерал Н.Э. Бредов. Белые организации были распущены. Из Югославии был вывезен полковник Р.К. фон Дрейлинг. Из Германии вывезены генерал Н.И. Глобачев, вскоре умерший и генерал В.П. Бреслер⁴⁷. Из Польши – генерал В.А. Синклер. Полковники М.И. Зимин и П.К. Ясевич также были вывезены в СССР из европейских стран. Англичанами в соответствии с ялтинскими соглашениями в Лиенце были выданы СССР генерал П.Н. Краснов и его родственник полковник Н.Н. Краснов, генерал М.К. Соломахин. Не меньшим был дальневосточный поток вынужденных репатриантов. Из Харбина в СССР были отправлены генералы Н.Г. Володченко, С.Н. Люпов, полковники А.В. Сулаво, Г.Ф. Радоман, Л.Л. Ловцевич, А.А. Тихобразов, А.Ю. Шиковский и М.В. Куклин, подполковник Г.И. Модестов 1-й.⁴⁸ В СССР был депортирован и приговорен к 10 годам ИТЛ 60-летний бывший курсовик полковник Л.Н. Канабеев⁴⁹. Также в Китае был арестован и депортирован в СССР выпускник ускоренных курсов академии в Томске полковник М.В. Кириченко.

По состоянию здоровья и в силу преклонного возраста путь в СССР практически для всех высланных оказался последним. В лагерях после войны скончались С.Н. Войцеховский, Н.Э. Бредов, Н.Г. Володченко, В.А. Синклер, С.Н. Люпов, А.Л. Мариюшкин, К.Л. Капнин, Г.Ф. Радоман, Л.Л. Ловцевич, М.И. Зимин, Н.Н. Краснов, Р.К. фон Дрейлинг, А.В. Сулаво, Г.И. Модестов 1-й и другие. П.Н. Краснов был повешен в январе 1947 г., М.В. Куклин и А.А. Тихобразов расстреляны в 1946 г. Полковник

А.М. Шкеленко до СССР даже не доехал и скончался в 1946 г. в пересыльной тюрьме города Ратибор в Польше⁵⁰.

Указом Президиума Верховного Совета СССР № 084 от 5 октября 1946 г. разрешалось «восстановление» в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи и их детей. Этим правом воспользовались тысячи людей. Часть офицеров-генштабистов добровольно уехала в СССР (в этой группе – генералы А.В. Говоров и П.П. Дьяконов), причем не все по возвращении подверглись репрессиям.

В период войны и после ее окончания погибли или были депортированы в СССР и репрессированы, по нашим данным, не менее тридцати шести генштабистов-эмигрантов. Некоторые генштабисты стали уезжать из Европы в США и другие, еще более удаленные от СССР, места, опасаясь роста советского влияния. Несомненно, именно США теперь становились основным центром военной эмиграции первой волны, где велась наиболее активная военно-научная деятельность и общественная жизнь. В декабре 1945 г. в США переехал А.И. Деникин. Среди других уехавших в США – генералы В.Е. Флуг, В.Н. фон Дрейер, Ф.Ф. Абрамов, П.Х. Попов, Ф.Э. Бредов, полковники П.Н. Богданович, С.Н. Ряснянский, Б.М. Иордан. Генерал М.М. Георгиевич уехал в Австралию, полковники Е.Э. Месснер и В.В. Бальцар – в Аргентину.

Дети генштабистов все больше ассимилировались в зарубежной среде и не всегда шли по стопам родителей. Если генштабисты-эмигранты, в целом, в годы Второй мировой войны поддерживали Германию, то в среде их детей, по меньшей мере, не было таких однозначных предпочтений. Некоторые активно участвовали в борьбе с немцами. Сын генерала Головина работал в военно-технической разведке британских ВВС⁵¹. Сын умершего задолго до войны генерала П.К. Кондзеровского пошел добровольцем во французскую армию, позднее попал в немецкий плен⁵². Сын генерала Е.К. Миллера был арестован немцами в Загребе за распространение коммунистической литературы⁵³. Сын генерала Ф.Ф. Абрамова боролся с фашистами в одесском подполье и погиб в 1943 г. Сын генерала К.В. Сахарова, полковник И.К. Сахаров, наоборот, сотрудничал с немцами. Кто-то, как например, дочь командира Лейб-гвардии Егерского полка генерала А.П. Буковского (мне посчастливилось состоять с ней в переписке), был депортирован в СССР и долгие годы провел в заключении⁵⁴.

Вторая мировая война оказала колоссальное влияние на всю военную эмиграцию и расколола русских генштабистов-эмигрантов. Большинство из них, не приемля большевизм, видело в немцах потенциальных освободителей России от коммунистического режима. Многие решили принять участие в новом походе на большевиков. Позиция тех или иных руководителей военной эмиграции в годы войны задавала вектор дальнейших взаимоотношений в эмигрантской среде. В частности, лидеры РОВС оказались полностью дис-

кредитированы сотрудничеством с немцами, авторитет организации был подорван. Стоит отметить, что среди бывших офицеров Генерального штаба хватало здравомыслящих людей, которые трезво смотрели на произошедшее, так что далеко не все объединились под лозунгами поддержки гитлеровской Германии и ее сателлитов, некоторая часть военной эмиграции сознательно пошла по другому пути.

Примечания

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 54–55.

² Там же. Л. 56.

³ фон Лампе А.А. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., фон Лампе А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 29, 30, 32.

⁴ Подробнее см.: Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009.

⁵ Густав Маннергейм и белая эмиграция. История в письмах. СПб, 2008. С. 53.

⁶ Александров К.М. Армия генерала Власова. 1944–1945. М., 2006. С. 494.

⁷ Александров К.М. Белая военная эмиграция и Вооруженные силы Комитета Освобождения Народов России // Белая Россия. Опыт исторической ретроспекции. СПб-М., 2002. С. 157.

⁸ Русский Корпус на Балканах. 1941–1945 гг. М., 2008. С. 83.

⁹ Маевский В.А. Русские в Югославии // Русский Белград. М., 2008. С. 146.

¹⁰ Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск – Мурманск, 2002. С. 237.

¹¹ Окоороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 52. Публикацию письма см.: Голдин В.И. Армия в изгнании. С. 220–221.

¹² Александров К.М. Судьбы русского офицерства в изгнании во время Второй мировой войны. Переписка 1946 г. между генерал-лейтенантами А.И. Деникиным и А.П. Архангельским // Цивильный Часовой (СПб). 2006. № 17–18. С. 207.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 208.

¹⁵ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945 гг. Биографический справочник. М., 2009. С. 750.

¹⁶ Справедливости ради отметим, что в 1917 г. фон Лампе уже был подполковником, в годы Гражданской войны произведен в генерал-майоры.

¹⁷ П.А. Кусонский в годы Гражданской войны был произведен в генерал-майоры и генерал-лейтенанты.

¹⁸ Такое же написание имело место и в дореволюционных документах фон Лампе.

¹⁹ Предшественнику фон Лампе на посту главы РОВС.

²⁰ Копия письма из архива А.И. Рудиченко (Нью-Йорк).

²¹ Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 100; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартирологии. М., 2002. С. 450; Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского // Материалы по истории Русского освободительного движения. Вып. 4. М., 1999. С. 118.

²² Дробязко С.И. Эпопея генерала Смысловского. С. 117.

²³ Александров К.М. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сб. статей и материалов. М., 2005. С. 195, 666.

- ²⁴ Генерал Р.К. Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на Востоке России // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 72; Акунов В.В. Еще один фрагмент к биографии генерала Р.К. Бангерского // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2003. № 12. С. 99–101.
- ²⁵ Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное Зарубежье в годы Второй мировой войны. Мурманск, 2005. С. 164.
- ²⁶ Цурганов Ю.С. Указ. соч. С. 86, 89.
- ²⁷ Bystrov V. Z Prahy do GULAGu aneb překáželi. Praha, 1999. S. 104.
- ²⁸ Махров П.С. Белая эмиграция в период 2ой мировой войны // Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, BAR). P. S. Makhrov Collection. Box 6. Тетрадь № 2. С. 113
- ²⁹ Там же. Тетрадь № 6. С. 501.
- ³⁰ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. М., 1994. С. 291.
- ³¹ Подробнее см.: «Не страшны никакие Соловьи-Разбойники». Начальник штаба Врангеля о Сталинградском триумфе / Публ. А.В. Ганина // Родина. 2013. № 1. С. 71–74.
- ³² Ефимов А.Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. М., 2008. С. 389.
- ³³ Кручинин А.С. Полковник Я.М. Лисовой и его коллекция // Коллекция Я.М. Лисового. Опыт реконструкции. М., 1997. С. 19–24.
- ³⁴ Цит. по: Чельишев Е.П. Уральская катастрофа. По архивам Генерального штаба полковника Михаила Ильича Изергина. М., 1996. С. 76.
- ³⁵ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1986. С. 235–236.
- ³⁶ Подробнее см.: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты». М., 2013. С. 299–304.
- ³⁷ Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2002. С. 80.
- ³⁸ Свириденко Ю.П., Еришов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–45 гг. М., 2000. С. 170.
- ³⁹ Гризулов П. Корниловцы в рассеянии // Русская армия в изгнании. М., 2003. С. 362.
- ⁴⁰ Голдин В.И. Армия в изгнании. С. 227.
- ⁴¹ Балабин Е.И. Далекое и близкое, старое и новое. М., 2009. С. 203.
- ⁴² Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция. С. 94.
- ⁴³ Голдин В.И. Роковой выбор. С. 344.
- ⁴⁴ Розов-Келчевский А. На круги своя // Отчизна. 1990, № 11. С. 75–76.
- ⁴⁵ Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Воинские организации Русского Зарубежья после Второй мировой войны. М., 2008. С. 14.
- ⁴⁶ Александров К.М. Офицерский корпус. С. 549.
- ⁴⁷ Офицеры Генерального штаба (умершие, погибшие и без вести пропавшие). Париж, 23.09.1950. Документ предоставлен А.И. Рудиченко (Нью-Йорк).
- ⁴⁸ Смирнов С.В. Чтобы помнили...: судьбы неизвестных офицеров белой армии // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2001. № 9. С. 100–103.
- ⁴⁹ Жертвы политического террора в СССР. Компакт-диск. Изд. 4-е. М., 2007.
- ⁵⁰ О депортациях генштабистов украинских армий см.: Ганин А.В. Генштабисты украинских армий 1917–1920 годов в Советской России и СССР после Гражданской войны (1920–1945 годы) // Славяноведение. 2013. № 5. С. 102–103.
- ⁵¹ Александров К.М. Российская контрреволюция глазами генерала Головина // Посев (Москва). 2003. № 12. С. 39.
- ⁵² П.В. Колтышев. На страже русской чести (Париж, 1940–1941 гг.) // Русское прошлое. Историко-документальный альманах (СПб). 1992. Кн. 3. С. 181.
- ⁵³ Голдин В.И. Русское военное Зарубежье в XX веке. Архангельск, 2007. С. 140.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Прохоров В. Судьба Ольги Буковской // Посев. 1998. № 9. С. 47–48.